

КОНЦЕПТ ПРОСТРАНСТВО В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Сергеева Э.С.

*старший преподаватель Чирчикского государственного
педагогического института Ташкентской области*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы концептуализации пространства в языковой картине мира. Фундаментальные свойства бытия этноса определяют специфику ментальности этнического коллектива, обуславливают уникальность пространственных планов его жизнедеятельности. Для лингвистической интерпретации актуальным является исследование универсальных и этнических построений феномена категории пространства и соответствующие им понятия, представления, знания, выраженные языковыми средствами.

Ключевые понятия: хронотоп, топос, локус, пространство, языковая картина мира, темпорализация

THE CONCEPT OF SPACE IN THE STRUCTURE OF THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Sergeeva E.S.

*Senior Lecturer, Chirchik State Pedagogical Institute of Tashkent Region
Republic of Uzbekistan*

Abstract: The article deals with the issues of conceptualization of space in the linguistic picture of the world. The fundamental properties of the existence of an ethnos determine the specifics of the mentality of an ethnic collective, determine the uniqueness of the spatial plans of its life. For linguistic

interpretation, the study of universal and ethnic constructions of the phenomenon of the category of space and their corresponding concepts, representations, knowledge expressed by linguistic means is relevant.

Keywords: chronotope, topos, locus, space, linguistic picture of the world, temporalization

Спецификация этнодифференцирующих показателей (мировосприятие, национальный менталитет, культура, язык) обуславливается природно-географическими параметрами «пространства жизни». В связи с этим пословицы как когнитивный языковой знак, несущий информацию о культуре этноса, наиболее точно передает концептуальный комплекс, менталитет народа. Паремии русского языка свидетельствуют о гармоничном, искреннем отношении к природе, пословицы казахского народа свидетельствуют о социогенетической адаптированности к условиям кочевого экстрима. Этническое своеобразие языковых средств, выражающих пространственные параметры, обусловлено особенностями мироведения определенного этноса.

Модели и механизмы концептуализации и вербализации окружающей среды, психолингвистическое восприятие и национально-культурное отражение в языковом сознании личности и в различных языковых картинах мира остаются привлекательной областью исследований для современных лингвистов.

У представителей разных культур формируются разнообразные средства, развивающие пространственные представления, которые закрепляются и систематизируются. Восприятие пространства, по мнению

Г.Д. Гачева, напрямую зависит от национальных культур. В русском языке пространство имеет однокоренные слова "страна, сторона", французском языке espace имеет латинское происхождение.

"Spatium – есть пространство, творимое и меряемое шаганием" [1, с. 38]. Соответственно пространство человека в языковых картинах мира определяется его средой обитания, атмосферой, географическим ландшафтом, флорой и фауной. Принадлежность к определенному этносу – это этническое пространство человека. Пространство для любого этноса, прежде всего, детерминируется географическим ландшафтом. Так, к примеру, в русской языковой картине мира оно возводится к понятиям простор, ширь, раздолье, дом, семья, этнос и т.д.; в казахской – кең дала, кең-байтақ, жазира, жазық, қазақ даласы, жайлау, отан, атамекен и др. По мере освоения цивилизации пространство человека расширяется. По мнению Г.Д. Гачева, русский образ пространства представляет собой горизонтальное движение, однонаправленную бесконечность [1, 56]. Пространство в русской языковой картине также может ассоциироваться с понятием мир в значении вселенной, системой мироздания. Мир воспринимается как "обжитое пространство" [2, с. 87]. Т.е. пространство, где живем мы, – отгороженное пространство "от внешнего мира и лишь потом – представление об этом "широком мире" за пределами нашего мира и дома" [2, с. 92]. С этим связан ряд выражений "мир посмотреть, себя показать", т.е. посмотреть запредельное пространство, "обжитое", посетить то место "на земле, вокруг нас", которое еще не изведано твоим этносом [2, с. 88], т.е. "чужое".

Каждой национальной картине мира свойствен свой набор концептов, определяющих пространственные понятия, наиболее точно отражающих мировосприятие и миропонимание определенного этноса. В казахском языке пространство также идентифицировано с ландшафтными характеристиками и определяется как ширь, степь. Для кочевого казаха пространство – это все, что находится под небом, оно безгранично, широко, раздольно, т.е. пространство – это окружающий мир: "шөл (пустыня), алқап (долина), шөл дала, дала, шөлейт (полупустыня), аланқай

(полянка), шабындық” [3, с. 274]. В казахской языковой картине мира пространство полностью сливается с природой. По мере освоения окружающего мира пространство расширяется. Однако истоки восприятия пространства уходят корнями в то время, когда кочевник и природа составляли одно целое. Семантика пространства имеет важное значение при формировании национальной картины мира.

Е.С. Кубрякова категоризацию пространства считает одной из наиболее «фундаментальных областей в познании мира»[4, с. 22]. Архаическое восприятие пространства она комментирует как «расстилающуюся во все стороны протяженность, сквозь которую скользит взгляд (пространство) и которая доступна при панорамном охвате в виде поля зрения при ее обозрении и разглядывании», как «обобщенное представление о целостном образовании между небом и землей». Данная целостность имеет чувственную основу, т.е. она «наблюдаема, видима, осязаема». Человек – часть целостного образования, он свободен в своих перемещениях, а также перемещает подчиненные ему объекты [4, с. 26]

По мнению В.Н. Топорова, основоположника теоретических исследований по проблемам концептуализации пространства специфические характеристики мифопоэтического восприятия пространства в архаической модели мира следующие:

С самого начала уместно подчеркнуть его отличие от того геометризованного гомогенного, непрерывного, бесконечно делимого и равного самому себе в каждой его части пространства, которое было постулировано физико-математической наукой (особенно после трудов Галилея и Ньютона) и на которое так или иначе (сознательно или бессознательно, обобщенно или детализировано) ориентировались и произведения художественной литературы и искусства «среднего» уровня.

В мифопоэтической модели мира пространство, как нередко и само слово для обозначения пространства (ср. античную традицию), не

существовало; также ей было неизвестно и открытое позже Гоббсом, Лейбницем и Кантом пространство «наглядного созерцания». Впрочем, в этой архаичной модели можно было бы, по-видимому, разыскать некоторые аналогии или соответствия более поздним теориям пространства, хотя такие примеры характеризуют в этой модели, как правило, наименее сакрализованные и содержательно наиболее бедные части пространства (нечто вроде профанической протяженности).

В архаичной модели мира пространство не противопоставлено времени как внешняя форма созерцания внутренней. Вообще применительно к наиболее сакральным ситуациям (а только они и образуют уровень высшей реальности) пространство и время, строго говоря, не отделимы друг от друга, они образуют единый пространственно-временной континуум (ср. 3 + 1-мерность как основное топологическое свойство пространственно-временной структуры мира в современной физике, а также роль скорости как понятия, объединяющего пространство и время) с неразрывной связью составляющих его элементов. И хотя понятие пространственно-временного единства (хронотопа) в том виде, как оно было введено, например, в литературоведение (науку о художественно-литературных текстах) М. М. Бахтиным.

В мифопоэтическом хронотопе время сгущается и становится формой пространства (оно «спациализуется» и тем самым как бы выводится вовне, откладывается, экстенсифицируется), его новым («четвертым») измерением. Пространство же, напротив, «заражается» внутренне-интенсивными свойствами времени (темпорализация пространства), втягивается в его движение, становится неотъемлемо укорененным в разворачивающемся во времени мифе, сюжете (т. е. в тексте). Все, что случается или может случиться в мире мифопоэтического сознания, не только определяется хронотопом, но и хронотопично по существу, по своим истокам.

Другая важная особенность, отличающая архаичное понимание пространства (или пространства—времени), заключается в том, что оно не предшествует вещам, его заполняющим, а наоборот, конституируется ими. Мифопоэтическое пространство всегда заполнено и всегда вечно; вне вещей оно не существует, и, следовательно, в определенном смысле категория пространства в этих условиях не может быть признана вездесуще-универсальной. Кроме пространства, существует еще непространство, его отсутствие, воплощением которого является Хаос, состояние, предшествующее творению (речь идет, таким образом, об отсутствии пространства до создания Вселенной во времени), или одновременное ему, т.е. в условиях уже наличествующего творения с его пространством [когда складывается оппозиция: пространство в Космосе (в центре) — отсутствие пространства в Хаосе, занимающем по отношению к Космосу пространственно периферийное положение], наконец, как пережиток внутри самого Космоса [в остатках хаотического начала, еще не переработанного космическими силами, когда отсутствие пространства («непространство») оказывается в глубинном центре Космоса, окружающем своим пространством область хаотического «непространства»]. Следовательно, пространство (или — точнее — пространственно-временной континуум) не только неразрывно связано со временем, с которым оно находится в отношении взаимовлияния, взаимоопределения, но и с вещественным наполнением (первотворец, боги, люди, животные, растения, элементы сакральной топографии, сакрализованные и мифологизированные объекты из сферы культуры и т. п.), т. е. всем тем, что так или иначе «организует» пространство, собирает его, сплачивает, укореняет в едином центре (язык пространства, сжатого до точки. . . .) [5, с. 227]

Таким образом, «бытие, есть пространство, и есть возникновение», кроме того, ученый отмечает зависимость пространства от мира вещей

(«мифопоэтическое пространство всегда заполнено и всегда вечно; вне вещей оно не существует») и неразрывность пространства / времени. Первобытное или архаичное сознание определяло пространство в соотношении с конкретным отрезком времени «здесь и сейчас». Пространство вне времени «...принципиально неполно и тем самым лишено статуса истинности и сакральности»[5, с.228].

Самобытность этносов проявляется во внутренней этнической структуре и менталитете, которые, по мнению К.М. Абишевой, зависят от «социально-культурной формы адаптации этноса в определенной экологической нише, от степени вхождения его в биоценоз и ландшафт окружающей природы» [6,с. 338]. Другими словами, природно-географические условия определяют специфику формы хозяйствования, рода трудовой деятельности, устройства быта и «модели мира» этнических сообществ [7, с. 63].

Список использованной литературы

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций / Г.Д.Гачев.М.: Академия, 1998. 2 Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН СЛЯ 1993, №1. -С. 3-9.
2. Апресян, Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю.Д. Апресян. // Семиотика и информатика: сб. научн. статей. Вып. 35. М.: Языки русской культуры, Русские словари, 1997. С. 272-297.
3. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.,
4. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я, Гуревич. М.: Искусство,
5. Голубкова, Е.Е. Категория движения в современном английском языке и способы ее модификации (фразовые глаголы): дис. доктора филол. наук / Е.Е. Голубкова М., 2002(2). 390 с.

6. Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собр. соч. в 6-ти томах. М.. 1982. -Т.2.
7. Akhmedov, B. (2022). Methodology of Teaching Informatics in Cluster Systems. International Journal of Innovative Research in Science Engineering and Technology, 11(4), 3485-3491.
8. Sergeyeva, E. (2020). Artistic Identity of L. Solovyov's Novel "The Tale of Khodzha Nasreddin". European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences Vol, 8(6), 33-37.
9. Сергеева, Э. С. (2020). Приём понимания как один из способов интерпретации художественного текста. Academic Research in Educational Sciences, 1 (4), 310-314.
10. Сергеева, Э. С. (2021). Категория пространства в художественной литературе. Экономика и социум, 1(80), 957-960.
11. Sergeyeva, E. S. (2020). Adabiyot darslarida interfaol metodlardan foydalanish samarasi. Science and Education, 1(Special Issue 2), 121-126.
12. Сергеева, Э. С. (2020). Образ культурного пространства романов Л. Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине» И А. Волоса «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАНДЖРУД». Экономика и социум, (11), 1275-1279.
13. Сергеева, Э. С. (2020). Изучение текста литературного произведения в процессе преподавания иностранного языка. Преподавание языка и литературы, 6, 78-80.
14. Сергеева, Э. С. (2018). Топос как единица художественного пространства произведения. Вестник НУУз, 1(1/3), 470-473.
15. Сергеева, Э. С., & Абдухатова, А. А. (2021). Эстетические поиски в прозе Ч. Айтматова. Academic research in educational sciences, 2(8), 337-342.